

Кая была тихой девочкой. Она читала много книг и хорошо училась. У нее было несколько друзей, но в целом общению она предпочитала чтение в библиотеке. У Каи были сильные проблемы со зрением, но это никогда её не останавливало.

Особенно сильно она любила книги про телепатов. Их жизнь была невероятной. Они с легкостью могли свести двух влюбленных, слишком нерешительных, чтобы признаться друг другу, или помирить друзей, не знающих, как вернуть все на круги своя, и все это в перерыве между раскрытием заговоров мирового правительства, поиском убийц там, где даже полиция была бессильна, или раскрытием планов террористов, если те вдруг пройдут мимо.

Не говоря уже о том, что не было никого, кто знал бы о людях больше, чем телепаты. Любые скрытые эмоции — будь то любовь, ненависть, зависть — для них не были скрытыми вовсе.

Невероятная сила!

Поэтому, когда Система предложила ей выбрать способность, она без сомнений выбрала чтение мыслей. И на остаток очков вылечила зрение.

Система предупредила её, что чтение мыслей нельзя будет выключить, как нельзя убрать руку в шкаф, когда ей не пользуешься, или отключить слух, если тот тебе мешает. Кая все это понимала — ни в одной из книжек, что она читала, не было такого, что телепаты могли выключить свою способность.

Зато была целая куча людей, которые страдали от этого — Кая не хотела повторять их ошибок, поэтому она подготовила себя к любому исходу.

Может, её родители всю жизнь скрывали свою огромную ненависть к ней или лучшая подруга втайне плела против неё интриги. Или, может, все не так плохо и, наоборот, её ждет романтическое приключение с кучей парней, которые скрывают свою любовь и украдкой наблюдают за ней, пока та не видит.

А может, её класс полон пришельцев, которые тайно внедрились на Землю, чтобы захватить планету.

Она была готова к абсолютно любому исходу. Любому — кроме этого.

Кая со вздохом глянула на Келли — свою лучшую подругу, — которая, как теперь знала Кая, — души в ней не чаяла. Келли даже действительно считала все её шутки смешными, а не просто притворялась, что ей смешно, — чего Кая не могла сказать о себе.

Разочаровавшись наполовину в реальности, наполовину в собственной личности, она посмотрела на парней. Папа говорил, что все они сексуальные животные, что совпадало с тем, что она читала в книгах. Как оказалось, папа знает о мальчиках не больше, чем книги, а книги,

как оказалось, ввали.

Мальчики — как теперь она знала — думают о девочках, только когда те с ними разговаривают, а все остальное время их мысли были ровно тем, что она могла услышать, даже не будучи телепатом.

Стоило ли говорить, что и её родители любили свою единственную дочь, а в классе так и не нашлось ни одного пришельца?

Вариант с кучей любовников она даже не рассматривала... После того, как один мальчик в мыслях назвал её занудой, она решила, что единственным человеком в мире, достойным её любви, будет Келли.

Кая разочаровалась в мире, который отказывался быть похожим на написанные в книжках увлекательные приключения. Какой смысл Системе предупреждать её о том, что она не может выключить способность, если тут была гораздо более глубокая проблема в виде обычного мира вокруг?!

Кая вздохнула и осмотрелась, выбирая цель. Её мозг, словно радиоприемник, мог настроиться на любого человека в радиусе действия, поэтому отчасти это было бесполезным движением, но оно помогало ей сосредоточиться на конкретном человеке. Если же она этого не делала, то у нее в голове начинали блуждать мысли случайных людей, находящихся поблизости. Они не мешали ей думать — не больше, чем шум класса, который даже после землетрясения не прекратил обсуждать произошедшее, — как будто они сейчас и не спускались по аварийной лестнице к выходу из здания.

Кая и сама была не лучше.

Их прямо сейчас эвакуировали из-за возможной угрозы жизни, а она не могла думать ни о чем, кроме как о бесконечно одинаковых мыслях детей вокруг. Она, конечно, преувеличивала, но количество похожих мыслей, входящих в её голову, заставляло сойти с ума.

«Разве что...» — Она улыбнулась. Чужие мысли утихли, сменяясь ни на что не похожими мыслями одного мальчика.

Она не понимала то, как в мире может существовать настолько наивный мальчик, или то, почему их мысли в данный момент совпадали, зато она точно знала, что он с легкостью может променять её на словарь. И это мысль невероятно грела её душу... Разве он не тот, кого она искала?

* * *

Вириус потер затылок, пытаясь унять неприятную боль от удара о парту. Она обостряла его чувства, особенно слух, мешая сосредоточиться на себе. И теперь ему приходилось слушать окружающих.

Он уже в сотый раз слышал, как дети вокруг говорили, что-то вроде: «страшно» или «что происходит?».

Вириус не знал, как правильно охарактеризовать все разговоры вокруг, но ему в помощь пришли два недавно прочитанных слова: «одинаковые» и «пустые».

Он и сам хотел узнать, что происходит, но не видел смысла добавлять ещё одну пустую реплику к всеобщему шуму.

В руках у Вириуса по-прежнему был словарь — он хотел взять и остальные книги, но ему запретили, сказав, что он задерживает класс.

После того, как все ученики покинули здание, их начали строить рядами посреди футбольного поля. Учителя то и дело носились туда-сюда, раздавая указания.

Подчиняться было приятно — не приходилось думать о том, что надо делать дальше. Вириус отметил, что это помогает ему не терять время на ненужные размышления.

Ему так же было немного интересно узнать, что будет, если он проигнорирует указания, но пока у него были более важные дела.

Он думал о том сообщении, что появилось в его голове после удара о парту. Оно говорило ему о мане, невозможности дышать и просило попрощаться с родителями. Он был озадачен первым, ему не нравилось второе и крайне возмущало третье, а всё вместе это порождало ещё одну кучу вопросов.

Вириус не мог не заметить, что скорость, с которой у него появлялись вопросы, во много раз

превышала ту, с которой он на них отвечал. Он не знал, во сколько раз точно, но если бы вдруг захотел — ему бы пришлось делить на ноль. Именно такое количество ответов было у него на руках. В основном потому, что он никак не мог представить себе значение всех этих слов. Посыл сообщения вел к смерти, и Вириус уже знал, что такое смерть. Или он думал, что знал.

Словарь, как Вириус недавно понял, давал ему информацию лишь о том, что он уже видел. И совсем не давал представления об окружающем мире.

«Я так и не могу представить себе, что такое смерть».

Он думал спросить обо всем этом Рюка.

Они втроем шли сильно позади своего класса, потому что Рико с инвалидной коляской не могла передвигаться так же легко, как остальные ученики.

Учитель явно был недоволен таким приоритетом в планах по эвакуации, но решил, что будет гораздо лучше оставить все как есть, чем пытаться это исправить прямо сейчас.

По той же причине и на футбольном поле они стояли несколько вдали от своего класса и учителей — Рико не хотела, чтобы какой-нибудь парень, не видящий дальше своего носа, врезался в её коляску.

Вириус посмотрел на Рюка. Тот, на удивление, был очень молчалив, а лицо, которое Вириус запомнил, как вечно улыбающееся, ни выражало ни капли этой эмоции. Рюк выглядел задумчиво, будто говоря, что сейчас его лучше не трогать, но Вириус уже решил спросить Рюка обо всем, что у него было на уме, поэтому он отбросил сомнения в сторону.

— Что такое мана? — начал Вириус по порядку своего списка вопросов.

— Мана? Ну... — растерявшись из-за внезапного вопроса Рюк повторил последнее слово, быстро переключаясь со своих размышлений на вопрос. Он попытался принять нормальное выражение лица, но у него плохо получалось — то же касалось и объяснения: — Она нужна, чтобы пользоваться магией, ну, то есть... творить заклинания.

Вириус склонил голову, как делал всегда, когда Рюк выдавал что-то непонятное. Для Вириуса сказанное не отличалось от любого другого набора слов.

Видя это, Рюк вздохнул. Ему было трудно привыкнуть к тому, что теперь Вириус задает ему вопросы, а не просто тянет за рукав в ожидании объяснения, но он отправил эти мысли поглубже в печь внутри своего сознания и продолжил:

— Проще будет показать, скажи: «Статус». Перед тобой появится окно с текстом. Это что-то вроде заклинания. Там внутри будет строчка с надписью «мана», число справа и есть твоя

мана. Она тратится, если используешь заклинания, и восстанавливается со временем.

— «Статус»? — Вириус ничего не понимал, но сделал, как ему было сказано. Он немного подождал, но ничего так не произошло. Тем временем Рюк продолжил.

— Да, но будь аккуратен, «Статус» тоже тратит ману, а если она станет близка к нулю, то у тебя закружится голова, как если бы ты начал слишком быстро вдыхать и выдыхать воздух, — Рюк думал, что наговорил слишком много, но Вириус ничего не сказал по этому поводу.

— «Статус», — повторил Вириус, стараясь симитировать интонацию Рюка, но перед ним так и не появилось никаких окон.

Рюк продолжал смотреть на Вириуса, даже когда тот замолчал. Вириус быстро понял, что тот ждал от него ответа.

— Ничего нет, — делиться своими мыслями вслух было непривычно.

Вириус не мог не подумать о том, что должен быть другой способ передавать информацию, гораздо быстрее, чем через разговор, но он, к сожалению, такого способа не знал. Он вспомнил, как было удобно разговаривать с той девочкой из библиотеки — тогда ему даже не приходилось произносить слова вслух.

— Хм-м... Вириус, а ты, случаем, не помнишь, что выбрал у Системы? — спросил у него Рюк, сбивая с размышления.

Вириус не знал, о какой Системе идет речь, а раз он не знал, то и не помнил, соответственно. Строить такие логические цепочки было весело. Вириус незаметно улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Такой ответ, казалось не устроил Рюка. У него в голосе появилось нетерпение.

— Ну же! Позавчера вечером. Вириус, попытайся вспомнить, что ты выбрал.

Вириус не знал, почему Рюк так настаивал на ответе, но он мог выполнить эту просьбу. Вириус уже вспоминал об этом, когда внезапно проснулся на полу. И все, что он мог вспомнить тогда, не отличалось от того, что он мог вспомнить сейчас.

— Интеллект, — одно слово, которое он произнес вслух. И единственное его воспоминание о вечере.

— Ну точно! Все в интеллект! Почему я не мог отнестись к своей шутке серьезней! Ты ведь наверняка даже не обратил внимания на сообщения Системы, — у Рюка появились слёзы, но он

не обратил на них внимания.

— Не волнуйся, я найду способ, как вас спасти. И не дам умереть ни тебе, ни родителям.

Рико, которая сидела молча, как и всегда, когда они разговаривали, схватила Рюка за руку. Вириус по выражению лица заметил, что она понимала, о чем говорит Рюк.

— Я помогу, — сказала она.

Видеть чужие слезы для Вириуса было непривычно, а особенно слезы Рюка.

Он хотел сказать, что тоже поможет, но не мог. Не мог, потому что не понимал. И это его злило.

«Какой толк в памяти, если она не дает ответы на вопросы?!»

Может быть, он первый раз в жизни разозлился. Разозлился на то, что считал само собой разумеющимся долгие годы. В этот раз он просто не мог сказать себе: «возможно, позже ты все поймешь», как делал столько раз до этого. Ему нужны были ответы, и прямо сейчас.

Конечно, злость не делала его мысли четче, а решимость не давала ответов на вопросы. Он так и остался ничего не знающим мальчиком, только теперь ещё злым и решительным. Подобная смесь никогда не давала умных идей, но откуда Вириусу было об этом знать?

Вириус хотел спросить у Рюка и про Систему, и про смерть. Закидать того вопросами, пока они не кончатся. И начнет он прямо... Прямо... С того летающего кристалла!

Вириус увидел, как от огромного кристалла, что парил над ними, откололся кусок. Кусок быстро падал вниз, набирая скорость, пока не взорвался, разлетевшись осколками в разные стороны. Осколки летели с большой скоростью в разные стороны. И один даже направлялся к ним. Чем ближе он был к земле, тем медленнее двигался. Пока в конце концов не остановился, пря в метре над землей — прямо посреди футбольного поля.

<http://tl.rulate.ru/book/30900/680277>